

DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-265

УДК 316.776

Научная статья | Междисциплинарные исследования

ФАКТОРЫ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОСЕТИТЕЛЕЙ МЕМОРАТИВНОГО ЛАНДШАФТА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ПАМЯТНИКА АРКАИМ

А.В. Сафонов, И.В. Топчий

В статье на примере археологического памятника Аркаим Челябинской области раскрываются механизмы формирования коннективной структуры, обуславливающие стратегии самоидентификации разных групп акторов данного меморативного ландшафта. Термин «коннективная структура» используется в трактовке Яна Ассмана – автора актуальной для данного исследования концепции коммуникативной и культурной памяти. Также авторы статьи опираются на теорию исторической и коллективной памяти Мориса Хальбвакса. Коннективная структура Аркаима рассматривается как многоаспектный феномен, содержательные грани которого представлены природным ландшафтом и его историей, историей городища Аркаим эпохи бронзы, историческими фактами, легендами и преданиями, историей открытия и популяризации памятника археологии. На основе глубинных интервью с акторами выделяются четыре основных фактора самоидентификации: территориальный, профессиональный, культурный, личностный. Дано описание того, как каждый из этих факторов проявляется в привязке к объектам меморативного ландшафта.

Ключевые слова: меморативный ландшафт; Аркаим; историческая память; коллективная память; коммуникативная память; культурная память; самоидентификация

Для цитирования. Сафонов А.В., Топчий И.В. Факторы самоидентификации посетителей меморативного ландшафта археоло-

гического памятника Аркаим // Russian Studies in Culture and Society. 2024. Т. 8, № 4. С. 98-125. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-265

Original article | Interdisciplinary Research

SELF-IDENTIFICATION FACTORS OF VISITORS TO THE MEMORIAL LANDSCAPE OF THE ARKAIM ARCHAEOLOGICAL SITE

A. V. Safonov, I. V. Topchii

The article uses the case of Arkaim archaeological site in Chelyabinsk Region to unravel the mechanisms of building a connective structure that determine the strategies for self-identification of various groups of actors in this memorial landscape. The term “connective structure” is used in the meaning assigned to it by Jan Assmann, creator of the concept of communicative and cultural memory that is central to this study. Contributors to the article also rely on the theory of historical and collective memory proposed by Maurice Halbwachs. The connective structure of Arkaim is explored as a multidimensional phenomenon whose conceptual facets are represented by the natural landscape and its history, the history of Arkaim settlement dating back to the Bronze Age, the historical facts, legends and tales, as well as the history of discovery and promotion of this archaeological monument. Extensive interviews with actors are used to single out the four key factors of self-identification: territorial, professional, cultural, and personal. The article describes how each of these factors manifests itself in relation to the features of the memorial landscape.

Keywords: *memorial landscape; Arkaim; historical memory; collective memory; communicative memory; cultural memory; self-identification*

For citation. *Safonov A.V., Topchii I.V. Self-Identification Factors of Visitors to the Memorial Landscape of the Arkaim Archaeological Site. Russian Studies in Culture and Society, 2024, vol. 8, no. 4, pp. 98-125. DOI: 10.12731/2576-9782-2024-8-4-265*

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью уточнить особенности соотношения содержательных аспектов пространств памяти, в частности памятников археологии, и факторов самоидентификации человека информационной эпохи. На этапе зарождения информационных обществ М. Кастельс констатировал преобладание идентичности как организующего принципа, понимая под идентичностью «процесс, через который социальный актор узнает себя и конструирует смыслы, главным образом на основе данного культурного свойства или совокупности свойств, исключая более широкую соотнесенность с другими социальными структурами» [10, с. 43]. В контексте этого высказывания археологический памятник Аркаим проявляет ряд своих особенностей, находящих отражение в дискуссиях о его научном, культурном, духовном, социальном предназначении, точнее, в спорах о том, какой из перечисленных аспектов наиболее полно выражает содержание этого объекта.

Основные позиции дискутирующих отражены в работе Е. В. Курьяновой [13]. Если рассматривать их в русле поиска идентичности, можно выделить следующие «совокупности свойств» и, соответственно, группы акторов, эти свойства репрезентирующие: 1) ученые археологи и просто интересующиеся Аркаимом как научным объектом; 2) организаторы и участники эзотерических и оккультных практик; 3) критики Аркаима как места антинаучных и деструктивных проявлений; 4) СМИ, собирающие аудиторию рассказами об эзотерических и деструктивных проявлениях на Аркаиме; 5) административные структуры, координирующие научную, культурную и хозяйственную деятельность Аркаима. Нам представляется важным изучить возможности взаимодействия разных групп акторов между собой и условия, при которых такое взаимодействие было бы конструктивным.

Объект исследования – процесс самоидентификации акторов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим.

Предмет исследования – свойства коннективной структуры меморативного ландшафта Аркаима как факторы самоидентификации.

Цель исследования – выявить стратегии самоидентификации и механизмы соотнесения идентичностей акторов меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим в пространствах исторической, коллективной, коммуникативной и культурной памяти, представленных объектами материальной культуры, природным ландшафтом, данными научных исследований, а также меморативными, духовными и другими культурными практиками, которые осуществляются самими акторами.

Задачи исследования:

- 1) опираясь на теоретические работы, раскрыть содержание понятий «коннективная структура», «меморативный ландшафт», а также описать свойства исторической, коллективной, коммуникативной и культурной памяти;
- 2) провести глубинные интервью с акторами меморативного ландшафта Аркаима;
- 3) интерпретировать контент интервью с акторами меморативного ландшафта Аркаима в аспектах:
 - соотнесения исторической, коллективной, коммуникативной и культурной памяти;
 - самоидентификации акторов в меморативном пространстве археологического памятника Аркаим;
 - влияния идентичности актора на восприятие им прошлого, настоящего и будущего Аркаима;
- 4) выявить грани пересечения (совпадения) идентичностей разных групп акторов.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составили:

- 1) разработанная Я. Ассманом концепция коммуникативной и культурной памяти и формируемой ими коннективной структуры культурного пространства;
- 2) концепция исторической и коллективной памяти М. Хальбвакса;
- 3) теория меморативного ландшафта, представленная в совместной работе М. Н. Вандышева, Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой.

Помимо этого, были изучены труды М. В. Загидуллиной [6; 7], Л. Б. Зубановой [8; 9], описывающие теоретические рамки ис-

следований меморативного и мемориального ландшафта как мест конструирования культурно-исторической памяти. Исследования А. Р. Медведевой [14], С. И. Симаковой [15; 16], монография «Археология и общество: феномен Аркаима в публичной сфере Челябинской области» [2], отражающие позицию СМИ в вопросе конструирования культурно-исторической памяти.

Материалом исследования послужили 35 глубинных интервью, проведенных с актерами меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим с мая по сентябрь 2023 года. Эмпирическим путем были выявлены следующие группы акторов:

- 1) научные сотрудники музея, а также других учреждений и сфер, связанных с историей и археологией;
- 2) организаторы культурных мероприятий;
- 3) сотрудники администрации центра Аркаим;
- 4) организаторы культурных практик (йога, медитация и др.);
- 5) организаторы эзотерических практик;
- 6) участники культурных мероприятий:
 - непосредственно связанные с археологией и историей;
 - косвенно связанные с археологией и историей;
 - не связанные с археологией и историей.
- 7) владельцы (продавцы) торговых павильонов и точек общественного питания;
- 8) представители гостиничного сервиса.

В качестве *методов исследования* использовалось интервьюирование, а также анализ контента взятых интервью по следующим критериям:

- 1) наличие упоминаний компонентов меморативного ландшафта в трактовке М. Н. Вандышева, Н. В. Веселковой, Е. В. Прямиковой;
- 2) наличие в содержании интервью отсылок к исторической, коллективной / коммуникативной и культурной памяти;
- 3) наличие / отсутствие взаимосвязи (в восприятии интервьюируемых акторов) между компонентами меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим, являющимися факторами самоидентификации акторов в пространствах исторической, коллективной / коммуникативной и культурной памяти.

Теоретические аспекты формирования коннективной структуры меморативного ландшафта

В контексте нашего исследования под коннективной структурой (термин Яна Ассмана) понимается совокупность образно-символических систем, создающих «общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, взаимное доверие и возможность [социокультурной] ориентации» [3, с. 15] разных групп акторов, реализующих свои интересы на территории и в окрестностях археологического памятника Аркаим.

В концепции Яна Ассмана акцентируем внимание на следующих свойствах, принципах и функциях коннективной структуры.

1. Действие одновременно в двух измерениях – социальном (мир современников) и временном (категории прошлого, настоящего и будущего). Из прошлого современники заимствуют смыслы, заложенные в общедоступных для понимания образах и символах, способствующие взаимному доверию в настоящем и порождающие надежду на будущее. Можем предположить, что в пространстве Аркаима «символический мир смысла» (Ассман цитирует этот термин, ссылаясь на Бергера и Лукмана) [3, с. 15] обусловлен следующими факторами:

а) привязкой к объектам и экспонатам, предметам культа и другим артефактам, имеющим символическое значение;

б) историческими и другими факторами, а также иными сведениями, принимаемыми на веру;

в) персоналиями – героями исторических и прочих нарративов;

г) сочетанием всего перечисленного в предыдущих подпунктах в контексте категорий времени и пространства.

2. Опора на исторические и мифические рассказы; сочетания нормативного (поучения) и нарративного (рассказ) аспектов «создают принадлежность, или идентичность, дают отдельному человеку возможность говорить “мы”» [3, с. 16].

3. Сочетание общего знания и представления о себе как условие идентичности, опирающееся:

а) на подчинение общим правилам и ценностям;

б) на сообща обжитое прошлое.

4. Повторение как основной принцип коннективной структуры с целью сохранения во времени траекторий деятельности, опирающееся:

- а) на узнаваемые образцы;
- б) на временной порядок и порядок действия (обряда, празднования и др.).

5. Воскрешение как еще один (наряду с повторением и противоположный ему) базовый принцип коннективной структуры – толкование преданий / фактов. «Всем обрядам присущ этот двойной аспект повторения и воскрешения» [3, с. 16].

6. Письмо как фактор перехода «от преобладания повторения к преобладанию воскрешения» [3, с. 17] – новая коннективная структура, где «связующие силы – не подражание и сохранение, а толкование и воспоминание» [3, с. 17].

7. Канон (воспоминание как долг) и «свободно текущий «поток традиции» высоких культур древности, но также саморегулирующейся, творящей самое себя метагегемония постканонической культуры, содержания которой потеряли характер долженствования и связующую силу» [3, с. 17].

Под меморативным ландшафтом М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова понимают «вид культурного ландшафта, который относится к сфере культуры памяти» [4, с. 72]. Исследователи указывают на ряд свойств, функций и условий формирования пространства, которое они называют меморативным ландшафтом.

1. Воплощает работу памяти, которая не что-то внешнее по отношению к социальному субъекту, а «часть жизнедеятельности субъекта, что, конечно, не отменяет ее инструментальности в контексте политики памяти» [4, с. 75].

2. Включает не только «целенаправленно созданные памятные места, но и места <...> непреднамеренно возникающие как эффект накопленной работы памяти <...> Если в намеренно создаваемых частях МЛ сначала создаются объекты, потом вокруг них организуются практики, то в непреднамеренно возникающих, наоборот, сначала появляются практики и лишь спустя какое-то время, если

они продолжают, вырисовывается памятное место» [4, с. 78]. То есть, меморативный ландшафт состоит не только из объектов, но и из практик, реализуемых акторами.

3. Включает только локализованные в пространстве элементы. Опираясь на теорию Анри Лефевра, М. Вандышев, Н. В. Веселкова и Е. В. Прямикова понимают пространство как «создаваемое практиками и перемещениями людей» [4, с. 80]. При этом пространственную рамку, по мнению исследователей, формируют, например, «город, знание или какие-то воспоминания, связанные с определенной территорией» [4, с. 70]. При этом подчеркивается, что «ландшафт указывает на топографичность, ядерную связь с местом» [4, с. 69].

4. Поддается применению методологического принципа, подвергающего анализу «не только память о личности или событии, но и память о памяти, включая историю меморизации» (только память о личности) [4, с. 80].

М. Н. Вандышев и соавторы выделяют «содержательные, пространственные, временные, коммуникативно-деятельностные и процессуальные» элементы структуры меморативного ландшафта [4, с. 80]. Содержательные представляют собой конкретные коннотации и контексты. Пространственные делятся на «физические (памятники, мемориальные таблички, аллеи, парки, музеи, архивы, библиотеки) и нефизические элементы. Последние в свою очередь включают деятельностные составляющие (экскурсии, коммеморативные маршруты посетителей и местных жителей, а применительно к российской ситуации сюда же следует отнести работу исследовательских и поисковых групп и отрядов, крупномасштабные акции и проекты) и составляющие, которые существуют виртуально, в том числе в интернет-пространстве» [4, с. 81]. Пространственные различаются также по степени доступности для пользователей (открытости / закрытости и степени видимости) и по связи с местом (установленные без связи с местом / имеющие опосредованную / прямую связь). «Временной характеристикой является глубина проникновения в прошлое, а также проработка связи с настоящим и будущим» [4, с. 81]. «Коммуникативно-деятельностные характе-

ристики включают систему акторов, практики и тип носителя <...> – вербальные, визуальные, аудиальные, обонятельные, осязательные и проч.» [4, с. 81]. Процессуальный характер связан с жизненным циклом (зарождение, расцвет, угасание) и динамикой (темп, ритм, скорость).

Соотнесение исторической, коллективной / коммуникативной и культурной памяти как фактор формирования коннективной структуры меморативного ландшафта

Спроецируем концепции коннективной структуры и меморативного ландшафта на историко-культурное пространство археологического памятника Аркаим, в котором представлены разные группы акторов, и попытаемся понять, как на особенности этой структуры влияют разные аспекты исторической, коллективной и культурной памяти, и какую роль в этом играет меморативный ландшафт.

Под исторической памятью Морис Хальбвакс понимал совокупность фактов, отобранных для фиксации малочисленной группой эрудитов (историков) на основе принятых в этой группе правил. Можем предположить, что под «правилами» Хальбвакс понимал методологическую точность, являющуюся базовой чертой любой науки. При этом Хальбвакс считал словосочетание «историческая память» не очень удачным, поскольку, по его словам, оно объединяет два противоположных по своему значению понятия [18]. Перечислим аспекты этой противоположности, на которых акцентировал внимание исследователь.

1. **История** привержена правилам, соответственно совокупность отобранных ею фактов представляет собой нечто искусственное. **Память**, напротив, живо и естественно соотносит личные воспоминания индивида с событиями, в том числе, национального масштаба.
2. Фиксаторы **исторических** событий – эрудиты (профессионалы), объединенные в малочисленную группу, не связанную тесным образом ни с другими группами, ни с индивидами. Носителями **памяти** (в теории Хальбвакса – коллективной памяти) являются самые разные социальные группы (семья,

профессиональное сообщество и т. д.), объединенные разнообразными интересами. Именно эти группы позволяют индивиду соотносить в воспоминаниях моменты своей личной жизни с общенациональными и мировыми процессами.

3. **История** делит прошлое на периоды, выявляя отличия каждого последующего периода от предыдущего, подчеркивая его принципиальную новизну. **Коллективная память**, наоборот, непрерывна и направлена на поиск общих черт между прошлым и настоящим. Вытесненные из воспоминаний индивида события могут быть им восстановлены благодаря коллективной памяти.

По Морису Хальбваксу коллективная память представляет собой рамку, в которую заложено то, что помогает индивиду вспомнить события личной жизни. В качестве примера он говорит о том, что образ умершего отца складывается в воспоминаниях не только из опыта непосредственного общения с ним, но из прочитанного после его смерти неотправленного письма, из того, что говорили об отце другие люди. Благодаря этим внешним факторам в памяти восстанавливаются детали образа отца, которые ранее из нее были вытеснены. То же самое происходит при воспоминании о первом дне, проведенном в лицее. Не факт, что индивид может вспомнить в деталях именно первый день. Но этот день и последующие дни, проведенные в учебном заведении, воспринимаются индивидом как нечто целое, кроме того, его воспоминания обогащаются прочитанными текстами о первых лицейских днях, впечатлениями о знакомстве с лицеем уже своих детей. Все это – рамочные конструкции коллективной памяти, позволяющие восстановить детали конкретного эпизода частной жизни.

Аналогично, считает Хальбвакс, коллективная память обеспечивает связь между прошлыми эпизодами частной жизни индивида и событиями, касающимися всей нации. Человек, детство которого совпало с периодом изменений национального масштаба, не воспринимает их содержание в силу своего незрелого возраста, но он слышит, о чем говорят взрослые, видит окружающие его предметы,

так или иначе с этими событиями связанные. Впоследствии услышанные и прочитанные рассказы о происходившем в стране тогда, когда человек был ребенком, позволят ему восстановить картину воспоминаний и соотнести их с общенациональными и мировыми сдвигами. Точно так же с масштабными процессами соотносятся и личные воспоминания взрослых людей, потому что, отмечает Хальбвакс, человек зачастую сосредоточен на своей частной жизни, а не на событиях общенационального характера.

Связь событий частной жизни с общенациональными обеспечиваются коллективной памятью разных социальных групп, с которыми соотносит себя индивид. Как правило, он одновременно соотносит себя с разными социальными группами (семья, профессиональный круг и др.), транслирующими разные аспекты коллективной памяти. По Хальбваксу, если какое-либо событие оказалось вытесненным из памяти индивида, это не значит, что изменилась соотносимая с ним группа. Это значит, что в его приоритетах одна группа сменила другую. Именно эта многочисленность, разнообразие и сменяемость групп обеспечивает непрерывность коллективной памяти.

Опираясь на теорию Мориса Хальбвакса, можно предположить, что с коллективной памятью воспоминания индивида соотносятся более живо и непосредственно, а это подразумевает более высокую степень эмоциональной вовлеченности в них. Историческая же память дистанцирована от человека, не являющегося в этой области профессионалом, не вызывает эмоционального отклика, без которого трудно соотнести, идентифицировать себя с излагаемыми фактами, несмотря на очевидную их достоверность. Здесь кроется одна из ключевых проблем, связанных с популяризацией исторического знания. Популяризировать – значит делать своим что-либо для широкого круга людей. История же, в трактовке Хальбвакса, – удел избранных эрудитов. Означает ли это, что научное ядро содержания историко-культурного пространства Аркаима для человека, погруженного в свою частную жизнь, в поиск собственной идентичности, останется непостижимым, и пространство это с точки зрения своего смыслового наполнения представляет собой нечто раздробленное

между разными группами акторов и посетителей, а не коннективную структуру?

Прежде чем подойти к рассуждениям на эту тему, уместно рассмотреть еще два термина, введенных Яном Ассманом – коммуникативная память и культурная память.

Коммуникативная память, по Ассману, – совокупность воспоминаний, общих для участников социума, являющихся современниками по отношению друг к другу. То есть, данные воспоминания сосредоточены в пространстве жизни трех-четырёх поколений и поддерживаются непосредственной коммуникацией их носителей, соответственно, временные границы коммуникативной памяти 40–80 лет. В этих значимых для нас аспектах, содержание, которое Ян Ассман вложил в понятие «коммуникативная память», на наш взгляд, очень тесно пересекается с тем, что Морис Хальбвакс называл коллективной памятью. Их объединяют такие свойства, как естественность и непрерывность, обусловленные следующими факторами:

а) возможностью непосредственной коммуникации носителей воспоминаний друг с другом;

б) возможностью индивида соотносить личные воспоминания с коллективными за счет коммуникации с разными группами носителей памяти;

в) стихийный (добровольный) характер формирования нарративов и их распространения (создающий почву для последующего целенаправленного, искусственного мифотворчества);

г) стихийное формирование и отбор поддерживающих воспоминания ритуалов, артефактов и символов и добровольное, живое принятие целенаправленно предложенных ритуалов и символов.

Таким образом, считаем возможным в контексте нашего исследования понятия «коллективная память» и «коммуникативная память» воспринимать как синонимичные и противопоставленные по ряду позиций термину «историческая память». Рассмотрим теперь, как с этими понятиями соотносится категория культурной памяти.

Согласно концепции Яна Ассмана, культурная память – это способность социума сохранять воспоминания о событиях далекого

прошлого (Ассман, 2004). В этом одно из ключевых ее отличий от коммуникативной памяти, сосредоточенной в обозримой для четырех поколений современников ретроспективе. Ученый выделяет следующие свойства культурной памяти.

1. Внешний характер по отношению к индивиду. Иными словами, воспоминания о событиях не являются исключительной принадлежностью памяти индивида, потому что, во-первых, помнит о них не только он, а во-вторых, даже в его сознании они сформированы под влиянием извне.

2. Внешний характер по отношению к текущей эпохе. Благодаря письменности, воспоминания о событиях, составляющие содержание культурной памяти, вытесняются из пространства современности, чтобы сохраниться в прошлом.

3. Искусственность и институциализация. Культурная память формируется целенаправленно соответствующими институтами.

4. Принадлежность к тому, что можно охарактеризовать, как «сфера культуры, где сплетаются традиция, историческое сознание, «мифомоторика» и самоопределение, которая «подвержена многообразно обусловленным историческим изменениям, в том числе процессам, обусловленным технической эволюцией средств коммуникации» (Ассман, 2004: 24).

5. Способность вступать в противоречие с социальной и политической реальностью современности. «Здесь мы имеем дело с интенсифицированными, искусственными формами культурного воспоминания, культурной мнемотехникой, цель которой – в рождении и поддержании несовременности» (Ассман, 2004: 24).

6. Способность объединять в своем пространстве мнемотическую, предметную и коммуникативную память.

Для нас значимо то, что свойства культурной памяти пересекаются, но при этом не совпадают полностью с характеристиками как исторической памяти, так и коммуникативной / коллективной. Соотнесение концепций Мориса Хальбвакса и Яна Ассмана дает основания рассматривать историческую память и коммуникативную / коллективную как противопоставленные друг другу части общего

пространства культурной памяти. Точки пересечения и расхождения культурной и коммуникативной / коллективной памяти кажутся нам достаточно очевидными, тогда как сходства и различия исторической и культурной памяти в рамках нашего исследования нуждаются в более подробном пояснении.

Историческую память в трактовке Хальбвакса и концепцию культурной памяти Ассмана разъединяют:

а) один из функциональных аспектов (история бесстрастно фиксирует прошлые события, культурная память обращается к ценностям прошлого для разрыва с настоящим и прорыва в будущее);

б) отношение к достоверности (история всегда достоверна, культурная память может быть источником мифотворчества).

Историческую и культурную память роднят:

а) наличие искусственного компонента, выраженного в институтах-хранителях исторической и институтах-активаторах культурной памяти, а также в их осознанном целеполагании;

б) функция обеспечения прерывности – между эпохами (историческая память) и между прошлым и современностью (культурная память);

в) связь с письменной культурой.

Именно третий компонент сходства (связь с письменностью) для нашего исследования представляется чрезвычайно важным, так как позволяет проследить детали и результаты взаимодействия истории и мифотворчества в качестве одного из ключевых факторов формирования коннективной структуры историко-культурного пространства Аркаима. Для нас значимы несколько базовых положений.

1. Благодаря письменности события прошлого фиксируются профессионалами, при этом результат фиксации не затрагивает живой непрерывной материи коллективной памяти [18], так как вытесняет воспоминания об этих событиях «из пространства текущей эпохи» для последующего их «воскрешения» через толкование [3].

2. Для нас важен сам механизм фиксации, вытеснения и воскрешения воспоминаний, а не инструментарий, с помощью которого он приводится в действие. То есть, нас интересует зафиксирован-

ный на любом носителе текст как таковой, а не способ его создания (письмо, печатный станок или электричество).

3. Мы исходим из того, что акторы, формирующие благодаря определенным условиям коннективную структуру социокультурного пространства Аркаима, – носители текстовой («письменной») в формулировке Яна Ассмана) культуры. Соответственно, их деятельность в той или иной степени связана с «воскрешением» (толкованием) «сообща обжитого» прошлого для «обретения надежды на будущее», что оптимизирует поиск «совместных траекторий деятельности». Например, в оккультной практике, основанной на медитации под звуки гонга, нет текстовых (письменных) элементов. Однако реализующий практику актер не просто механически воспроизводит обряд, а истолковывает его значение. При этом истолкование подразумевает свободу мысли и действия участников обряда и, следовательно, широчайшее разнообразие трактовок его функционала. На наш взгляд, это обуславливается возможностью актора обращаться к письменным (в широком смысле) трактовкам обрядовых элементов.

4. Мы используем максимально широкую трактовку текста, обоснованную Ж. Деррида [1], что дает нам возможность воспринимать в качестве текста музейные и другие исторические экспонаты, элементы меморативного ландшафта.

Таким образом, меморативный ландшафт – это пространство, в котором в соотношении с его элементами функционируют элементы исторической, коммуникативной / коллективной и культурной памяти, взаимодействуя между собой и формируя коннективную структуру, способствующую самоидентификации акторов и посетителей. Самоидентификация в данном случае – обретение и реализация собственной субъектности в контексте прошлого, настоящего и будущего, представленных в конкретном локализованном пространстве, но проецируемых на любое пространство, актуальное для актора.

Факторы самоидентификации акторов в пространстве меморативного ландшафта Аркаима

Городище Аркаим эпохи бронзы было открыто археологами в 1987 году, то есть в начале периода, отметившегося в отечествен-

ной истории процессами социальной нестабильности. Именно в такие моменты актуализируются проблемы самоидентификации. П. М. Козырева и А. И. Смирнов отмечают, что «в нестабильном, кризисном обществе профессиональная самоидентификация остается одной из самых надежных и устойчивых составляющих социального самоопределения» [11, с. 28]. В пространстве Аркаима профессиональная самоидентификация актуальна для археологов, историков, экскурсоводов и научных сотрудников Музея природы и человека. Одновременно «на первый план выходит постмодернистский принцип множественности истин как отрицание унификации, что и отражает многовекторность идентификационных характеристик современных россиян» [5, с. 14]. Эти тенденции отражаются и в объектах материальной культуры меморативного ландшафта, где актуализируется логика, согласно которой «коммеморация, являясь своеобразным фильтром того, что подлежит «забвению», а что «воспоминанию», существенным образом определяет характер монументальной культуры» [12, с. 16]. Для части посетителей Аркаима актуальна стратегия культурной самоидентификации. При этом «выбор своей культурной принадлежности, как показывает практика, является одним из самых трудных для человека» [17, с. 74].

Исследование проблем исторической и культурной памяти через привлечение к мемориальной идентичности как основы для осознания собственного положения в истории и истории места, влияющего на самоидентификацию человека, приводится в работе Л. Б. Зубановой. На основе анализа материалов опроса 500 человек отмечается потребность современных аудиторий в символических маркерах и нарративах, репрезентирующих культурную память в мифе [8].

Для выявления стратегий самоидентификации акторов меморативного ландшафта Аркаима с ними были проведены глубинные интервью. В процессе беседы задавались следующие вопросы: «Часто ли бываете на Аркаиме?», «Чем Аркаим является лично для вас: местом отдыха, историческим памятником, привлекательным природным ландшафтом, «местом силы» или чем-то другим?», «Какой объект Аркаима – природный или материальный – близок

лично вам?», «Зачем, с вашей точки зрения, приезжают на Аркаим посетители, что здесь пытаются обрести?», «Тот факт, что Аркаим является историческим памятником, добавляет ли что-то к атмосфере проводимых здесь мероприятий?», «Что в пространстве археологического памятника Аркаим необходимо улучшить?». Также задавались дополнительные вопросы, обусловленные содержанием ответов респондентов.

Глубинные интервью показали, что коннективная структура меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим воплощена в пространствах исторической, коммуникативной и культурной памяти. При этом память является одним из факторов самоидентификации – территориальной, культурной, профессиональной, личностной. Категории самоидентификации сочетаются в сознании актора в тех или иных пропорциях, либо одна из категорий доминирует. Источниками культурной памяти являются природный ландшафт и история (в широком смысле, не только сосредоточенном в границах научной сферы, но и выходящем за ее рамки), которые в этой роли выступают либо в единстве друг с другом, либо обособленно.

Природный ландшафт в научно-историческом аспекте воспринимается как этап формирования геологической структуры земной поверхности. Этим обусловлены следующие категории самоидентификации.

1. Территориальная идентичность (актуальная для местных жителей и жителей конкретного региона) проявляется в осознании принадлежности данной территории к значимым вехам формирования планеты. Таким образом через местное осознается планетарное.

2. Личностная идентичность, связанная с восприятием участка разлома земной коры в качестве источника гармонии, энергии, «места силы», способствующего решению внутренних задач, связанных с поиском себя, обретением веры в исцеление и т. д. Личностная самоидентификация происходит: а) посредством символизации природных объектов, олицетворяющих вулканический разлом (самая высокая вершина, фактически являющаяся обрывом плоскогорья,

река Большая Караганка); б) истолкованием природы «места силы» естественнонаучной терминологией («квантовая физика», «гелий, выделяющийся в местах разлома земной коры и влияющий на сознание»); в) посредством эстетического восприятия природного ландшафта (степи, неба, холмов, камней, реки), что видим в приведенном ниже фрагменте интервью.

«...есть места, например, Лисьи горы, для меня это – приехать туда на закат или раннее утро так просто постоять [...] Удивительное место. Я вот привез Галину первый раз в этом году. Говорю, поехали (а она ни разу не была). Мы еще по весне поехали на эти горы, был вечер такой, солнце садилось, тишина, ветра не было. Заехали туда, походили, постояли, там самое высокое место, она заплакала. Говорю: «Что такое?». Удивительная такая вещь. Она: «Что ты меня раньше сюда не привозил?» Я говорю: «Не знаю»» (из интервью от 13.08.2023).

Обратим внимание, что в процессе личностной самоидентификации специфика природного ландшафта нередко является катализатором моделей восприятия меморативного пространства, которые изучаются смежными с историей научными направлениями (культурологией, эстетикой, психологией и др.), либо моделей, имеющих околонаучный или даже антинаучный характер.

«...здесь разлом земной коры [...] притягивает высшие силы» (из интервью от 12.08.2023).

Элементы природного ландшафта трактуются не только с геологической точки зрения, но и в привязке к историческим личностям и событиям. При этом история очень часто выступает не как сосредоточие исторической памяти, а как совокупность преданий.

«Чека – гора очень известная, еще Чингисхан на нее восходил, и она во многих сказаниях Бажова упоминается...» (из интервью от 10.09.2023).

Элемент природного ландшафта посредством преданий объединяет в своем пространстве деятеля планетарного масштаба Чингисхана и творца уральских сказов Павла Бажова. Наблюдаем тот же самый феномен выражения местного и регионального через глобальное.

Но в данном случае механизм территориальной самоидентификации подкреплен еще одной ассоциативной цепочкой, связанной с сочетанием фигур Павла Бажова, близкого к пространству коммуникативной памяти, и Чингисхана, образ которого соотносится с памятью культурной. И это один из примеров того, как коннективная структура меморативного ландшафта Аркаима и окрестных территорий сближает современность с относительно недавними и с достаточно отдаленными эпохами.

Аналогичная схема взаимодействия современности с пространствами коммуникативной и культурной памяти реализуется на основе памяти исторической, воплощенной в меморативных объектах и артефактах, созданных человеком. Одним из них является усыпальница Курган-Темир. В гробнице, реконструированной археологами, воссоздается реальное захоронение, случайно обнаруженное в 80-х годах прошлого века во время сельскохозяйственных работ на территории Челябинской области. Захоронение относится к тому периоду, когда на территории, в том числе, современного Аркаима и его окрестностей кочевали сарматские племена – современники Античной культуры. По данным историков, сарматы отличались относительным равноправием мужчин и женщин, проявлявшимся в том, что женщины участвовали в сражениях наравне с мужчинами. Есть гипотеза, что именно сарматки упоминаются в трудах Геродота в образе амазонок.

Рассмотрим меморативный объект «Усыпальница Курган-Темир» в ракурсе эффектов взаимодействия исторической, коммуникативной и культурной памяти. Историческая память представлена в виде научных данных и гипотез о культуре современных Античности сарматских племен, упомянутых в трудах древнегреческого историка. Характерный для русской культуры европоцентризм обуславливает восприятие Античности в качестве колыбели европейской цивилизации. То есть, античность, хотя и культурно близка, но относительно далека географически и, тем более, почти недостижима для современного массового сознания в парадигме времени. Однако произведенная в прошлом письменная фиксация исторических дан-

ных дает возможность «воскрешать» события прошлого через их толкование, сближая далекое прошлое и настоящее в пространстве культурной памяти, что открывает возможности выбора стратегий самоидентификации и сочетания этих стратегий. В данном случае профессиональная самоидентификация (принадлежность к исторической науке) не только обусловлена коннективной структурой, но и сама обуславливает ее формированием фактологического контекста, поддающегося интерпретации. Не менее выражена территориальная самоидентификация – ощущение принадлежности к территории, не просто являющейся неотъемлемой частью истории цивилизации, но и по актуальным сегодня критериям опережающей развитие этой цивилизации в определенный исторический период.

Собственно культурная самоидентификация (соотнесение себя с той или иной совокупностью культурных практик и ценностей) в приведенном примере менее выражена, однако в процессе восприятия акторами меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим она проявляется достаточно часто. При этом ключевым меморативным объектом выступает само городище Аркаим и связанные с ним факты, создающие исторический контекст пространству, с которым себя соотносит представитель той или иной культуры. Схемы культурной самоидентификации вариативны, однако их объединяет общая структура, состоящая из следующих элементов:

1) принадлежность к социокультурной группе (казаки, исторические реконструкторы, представители традиционных народных ремесел и др.);

2) связь социокультурной группы с меморативным ландшафтом: а) ситуативная (на территории памятника проводится мероприятие, в котором участвуют представители группы); б) исторически сложившаяся (меморативный ландшафт и окрестности воспринимаются как место локации социокультурной группы, например, уральская степь – территория расселения казаков);

3) связь актуальных для социокультурной группы элементов меморативного ландшафта с предшествующими эпохами, включая самые древние.

«Когда вы берете в руки уздечку эту, которой пользовались 4–5 тысяч лет назад (тем более если ты ее сам сделал), думаешь: «Вот, они же такое делали, они же всем этим пользовались». Здорово! Что-то внутри происходит. Прикосновение к истории» (из интервью 29.07.2023).

Рассмотрим еще один фактор самоидентификации, обуславливающий решение акторами личностных задач психологического, духовного плана. Личностная самоидентификация связана с Аркаимом как: а) «местом силы»; б) точкой, где осуществляется переход от одной общечеловеческой парадигмы мышления к другой (например, от приоритетов материальной прагматики к духовному поиску); в) пространством, где сочетание исторических памятников с природным ландшафтом способствует духовному поиску, гармонизации отношений с самим собой и окружающим миром.

Таким образом, коннективная структура меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим обуславливает выбор каждым актором актуальной для него стратегии самоидентификации или сочетание нескольких актуальных стратегий.

Выводы

В пространстве археологического памятника Аркаим сформировалась коннективная структура, обуславливающая самоидентификацию разных категорий акторов. Ее формирование связано: 1) с историей и спецификой природного ландшафта; 2) с наличием городища эпохи бронзы, научно-историческими данными о нем, а также легендами и преданиями о городище и его окрестностях; 3) с известностью Аркаима как среди ученых, так и в кругах эзотериков.

Специфика меморативного ландшафта Аркаима обуславливает разные трактовки его содержания, зависящие от стратегий самоидентификации акторов (профессиональной, территориальной, культурной, личностной). Данные стратегии формируются коннективной структурой археологического памятника Аркаим, которая является многоаспектным феноменом. Грани коннективной структуры представлены: 1) природным ландшафтом; 2) историей

природного ландшафта; 3) раскопками древнего городища Аркаим и его историей; 4) памятниками материальной культуры времен городища, а также предшествующих и последующих эпох; 5) легендами и преданиями, связанными с объектами меморативного ландшафта; 6) объектами меморативного ландшафта и достоверными данными об истории археологического открытия городища, спасения его от затопления в процессе планировавшегося строительства водохранилища, а также об истории его популяризации. Как показали глубинные интервью с актерами, последний аспект для большинства из них в меньшей степени актуален. Но можем предположить, что в обозримой перспективе (в пространстве коммуникативной памяти) интерес к данному аспекту будет возрастать, в первую очередь, в социологическом ключе: история меморизации Аркаима – модель решения актуальной сегодня проблемы расстановки общественных приоритетов.

Многоаспектность коннективной структуры меморативного ландшафта археологического памятника Аркаим создает условия для гармоничного сочетания разных стратегий самоидентификации его акторов.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о спонсорстве. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (совместно с органами власти Челябинской области) № 23-18-20098, <https://rscf.ru/project/23-18-20098/>, проект «Материализованная идентичность: конструирование памяти в социально-экономической перспективе (на примере археологического памятника Аркаим)».

Список литературы

1. Антропова В. В. Концептосфера «духовность» в журналистском дискурсе: экспликация ценностей. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2022. 194 с. <https://doi.org/10.47475/9785727118504.194>

2. Археология и общество: феномен Аркаима в публичной сфере Челябинской области / М. В. Загидуллина, Е. В. Куприянова, Л. Б. Зубанова [и др.]. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2024. 142 с. <https://doi.org/10.47475/978572711970>
3. Ассман Я. Культурная память: Письма, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Пер. с нем. М. М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 355 с.
4. Вандышев М. Н., Веселкова Н. В., Прямикова Е. В. Меморативный ландшафт: концепция и опыт применения // Социология власти. 2022. Т. 34. № 1. С. 69–94. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>
5. Васильева Н. А., Погодин С. Н. Проблема самоидентификации россиян в XXI в.: геополитические и региональные аспекты // Известия АлтГУ. Исторические науки и археология. 2021. № 5 (121). С. 13–18. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)5-01](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)5-01)
6. Загидуллина М. В. Алгоритм мультимодального дискурс-анализа любительских видеонаративов (к вопросу о материализации идентичности) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4 (50). С. 66–78. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-66-78>
7. Загидуллина М. В. К проблеме методов исследования меморативных ландшафтов как мест конструирования культурно-исторической памяти // Медиалингвистика : Материалы докладов участников VII Международной конференции, Санкт-Петербург, 28 июня–01 июля 2023 года. Санкт-Петербург: ООО «Медиапапир», 2023. С. 510–514.
8. Зубанова Л. Б. Мемориальная идентичность: между местом памяти и памятью мест // Челябинский гуманитарий. 2023. № 1 (62). С. 32–38.
9. Зубанова Л. Б. Эзотерический и медийный шлейф мемориального ландшафта: теоретические аспекты и архитектурные контуры полевого исследования // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4 (50). С. 79–84. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-79-84>
10. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ.; под научн. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 608 с.

11. Козырева П. М., Смирнов А. И. Особенности и тенденции профессиональной самоидентификации в постсоветской России // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 1. С. 28–51. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>
12. Кудяева С. Г. Монументальная политика как фактор формирования политики исторической памяти и поддержания этнической самоидентификации (на примере северокавказских народов) // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2021. Том 13. № 1. С. 13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20>
13. Куприянова Е. В. Аркаим: рождение легенды: монография. Челябинск: Край РА, 2021. 224 с.
14. Медведева А. Р. Медиашлейф солнцестояния в сопоставлении медиаинформированностью посетителей Аркаима // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2023. № 4 (50). С. 89–95. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-89-95>
15. Симакова С. И. Визуальный образ Аркаима в материалах СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 129–142. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10215>
16. Симакова С. И., Исакова Т. Б. Аркаим в спецпроектах СМИ: Медиаэстетический код // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2021. Т. 1, № 4 (36). С. 201–212. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_4_201
17. Скакун В. В. Интеграция и самоидентификация культурного пространства посредством драматического искусства // Образование и культурное пространство. № 3. 2021. С. 73–79. https://doi.org/10.53722/27132803_2021_3_73
18. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа. М. : Новое литературное обозрение, 2005. С. 16–50.

References

1. Antropova V. V. *Kontseptosfera «dukhovnost'» v zhurnalistskom diskurse: eksplikatsiya tsennostey* [Conceptosphere of “spirituality” in journalistic

- discourse: explication of values]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2022, 194 p. <https://doi.org/10.47475/9785727118504.194>
2. Zagidullina M. V., Kupriyanova E. V., Zubanova L. B. [et al.]. *Arkheologiya i obshchestvo: fenomen Arkaima v publichnoy sfere Chelyabinskoy oblasti* [Archaeology and society: the phenomenon of Arkaim in the public sphere of the Chelyabinsk region]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University, 2024, 142 p. <https://doi.org/10.47475/978572711970>
 3. Assmann Ya. *Kul'turnaya pamyat': Pis'ma, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti / Per. s nem. M. M. Sokol'skoy* [Cultural memory: Letters, memory of the past and political identity in high cultures of antiquity / Transl. with him. M. M. Sokolskaya]. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004, 355 p.
 4. Vandyshev M. N., Veselkova N. V., Pryamikova E. V. *Memorativnyy landshaft: kontseptsiya i opyt primeneniya* [Memorative landscape: concept and experience of application]. *Sotsiologiya vlasti*, 2022, no. 34 (1), pp. 69–94. <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2022-1-69-94>
 5. Vasil'eva N. A., Pogodin S. N. *Problema samoidentifikatsii rossiyan v XXI v.: geopoliticheskie i regional'nye aspekty* [The problem of self-identification of Russians in the 21st century: geopolitical and regional aspects]. *Izvestiya AltGU. Istoricheskie nauki i arkheologiya*, 2021, no. 5 (121), pp. 13–18. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2021\)5-01](https://doi.org/10.14258/izvasu(2021)5-01)
 6. Zagidullina M. V. *Algoritm mul'timodal'nogo diskurs-analiza lyubitel'skikh videonarrativov (k voprosu o materializatsii identichnosti)* [Algorithm for multimodal discourse analysis of amateur video narratives (on the issue of materialization of identity)]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2023, no. 4 (50), pp. 66–78. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-66-78>
 7. Zagidullina M. V. *K probleme metodov issledovaniya memorativnykh landshaftov kak mest konstruirovaniya kul'turno-istoricheskoy pamyati* [On the problem of methods for studying memorial landscapes as places for constructing cultural and historical memory]. *Medialingvistika: Materialy dokladov uchastnikov VII Mezhdunarodnoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28 iyunya–01 iyulya 2023 goda* [Medialinguistics: Proceedings of the VII International Conference, St. Petersburg, June 28-01, 2023]. St. Petersburg: Mediapapir LLC, 2023, pp. 510–514.

8. Zubanova L. B. Memorial'naya identichnost': mezhdum mestom pamyati i pamyat'yu mest [Memorial identity: between the place of memory and the memory of places]. *Chelyabinskij gumanitarij*, 2023, no. 1 (62), pp. 32–38.
9. Zubanova L. B. Ezotericheskiy i mediynnyy shleyf memorial'nogo landshafta: teoreticheskie aspekty i arkhitekturnye konturypolevogo issledovaniya ubanova [Esoteric and media trail of the memorial landscape: theoretical aspects and architectural contours of Ubanov's field research]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2023, no. 4 (50), pp. 79–84. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-79-84>
10. Castells M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / per. s angl.; pod nauchn. red. O. I. Shkaratana* [Information era: economics, society and culture / trans. from English; under scientific ed. O. I. Shkaratana]. Moscow: State University-Higher School of Economics, 2000, 608 p.
11. Kozyreva P. M., Smirnov A. I. Osobennosti i tendentsii professional'noy samoidentifikatsii v postsovetskoj Rossii [Features and trends of professional self-identification in post-Soviet Russia]. *Sotsiologicheskij Zhurnal*, 2021, vol. 27 (1), pp. 28–51. <https://doi.org/10.19181/socjour.2021.27.1.7843>
12. Kudaeva S. G. Monumental'naya politika kak faktor formirovaniya politiki istoricheskoy pamyati i podderzhaniya etnicheskoy samoidentifikatsii (na primere severokavkazskikh narodov) [Monumental politics as a factor in the formation of the policy of historical memory and maintaining ethnic self-identification (on the example of the North Caucasian peoples)]. *Vestnik Maykopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*, 2021, no. 13 (1), pp. 13–20. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-1-13-20>
13. Kupriyanova E. V. *Arkaim: rozhdenie legendy* [Arkaim: the birth of a legend]. Chelyabinsk: Krai RA, 2021, 224 p.
14. Medvedeva A. R. Mediashleyf solntsetoyaniya v sopostavlenii mediainformirovannost'yu posetiteley Arkaima [Media trail of the solstice in comparison with the media awareness of visitors to Arkaim]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija*, 2023, no. 4 (50), pp. 89–95. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2023-50-4-89-95>

15. Simakova S. I. Vizual'nyy obraz Arkaima v materialakh SMI [Visual image of Arkaim in media materials]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*, 2021, no. 2 (40), pp. 129–142. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10215>
16. Simakova S. I., Isakova T. B. Arkaim v spetsproektakh SMI: Mediaesteticheskiy kod [Arkaim in special media projects: Media aesthetic code]. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva*, 2021, vol. 1, no. 4 (36), pp. 201–212. https://doi.org/10.51965/2076-7919_2021_1_4_201
17. Skakun V. V. Integratsiya i samoidentifikatsiya kul'turnogo prostranstva posredstvom dramaticheskogo iskusstva [Integration and self-identification of cultural space through dramatic art]. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo*, 2021, no. 3, pp. 73–79. https://doi.org/10.53722/27132803_2021_3_73
18. Halbwachs M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' [Collective and historical memory]. *Pamyat' o voyne 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa*. Moscow: New Literary Review, 2005, pp. 16–50.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРАХ

Сафонов Андрей Владимирович, доцент кафедры теории медиа, кандидат филологических наук
Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская область, 454001, Российская Федерация
mihbig@mail.ru

Топчий Ирина Владимировна, доцент кафедры медиапроизводства, кандидат филологических наук
Челябинский государственный университет
ул. Братьев Кашириных, 129, г. Челябинск, Челябинская область, 454001, Российская Федерация
ivtopchiy@mail.ru

DATA ABOUT THE AUTHORS

Andrey V. Safonov, Associate Professor of the Department of Media Theory, Candidate of Philological Sciences

Chelyabinsk State University
129, Brat'yev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region,
454001, Russian Federation
mihbig@mail.ru

Irina V. Topchii, Associate Professor of the Department of Media Production, Candidate of Philological Sciences

Chelyabinsk State University
129, Brat'yev Kashirinykh Str., Chelyabinsk, Chelyabinsk Region,
454001, Russian Federation
ivtopchiy@mail.ru

Поступила 20.11.2024

После рецензирования 05.12.2024

Принята 10.12.2024

Received 20.11.2024

Revised 05.12.2024

Accepted 10.12.2024